

ПОСИДИ, ГОРОДСКОЙ...

Леонид ШУБИН

г. Санкт-Петербург

Рассказ



Старого Юхани, которого мы, знавшие его с не первый год, звали просто Юсси, я нашёл там, где только и можно было его найти в это время — у озера, рядом с которым чернела вросшая в землю сауна под торфяной крышей. Юсси сидел на перевёрнутой лодке и строгал кусок можжевельника, нож у него в руке ходил неспешно и неотвратно, словно ледник, многие тысячи лет шлифовавший здешние скалы. Он поднял на меня глаза — светлые, выцветшие, как летнее небо, но не сказал ни слова, просто кивнул на скамью рядом. Так мы просидели минут десять в той тишине, что бывает только на природе, в лесу, где слышно лишь, как поскрипывает сосна от ветра да гудят насекомые.

— Что, писатель, приехал, — сказал наконец Юсси, пряча нож, смахнул с колен стружку и неспешно поднялся. — Ну, пойдём, каменка уже ждёт, камни готовы.

Дальше мы сидели в сухом колючем жару. Воздух дрожал, пахло раскалёнными камнями, запаренным берёзовым листом, дымом и дёгтем. Юсси был похож на древний валун, поросший седым мхом, а я, городской житель, ощущал себя мягким тестом, которое вот-вот испечётся.

Я невольно скосил глаза на маленькие, потемневшие от времени песочные часы, что стояли на полке у каменки, и Юсси поймал мой взгляд.

— А-а, не можешь без них, — сказал старик, хмыкнув в усы. — Вы, городские, с вашими часами на запястье... Вы все без них не можете, даже в сауне. Всё режете жизнь на ровные ломтики... А жизнь, она, знаешь, сама как песочные часы — да, да, как вот эти вот самые, с песком, что сыплется, будто снег в январе, без всякой спешки.

Он зачерпнул ковшом из шайки и плеснул на камни ровно столько, чтобы они коротко и злобно зашипели, выдохнув новую волну обжигающего пара, потом помолчал, прислушиваясь к замирающему шипению камней.

— Вот заходишь ты в парную, молодой, горячий, как лось в сентябре. Переворачиваешь часы — ш-ш-шурх! — и песок побежал. А ты и не смотришь. Зачем? Впереди ещё столько

жара, веник берёзовый в руке так и пляшет, а за дверью — целое озеро стылой воды. Сидишь, греешься, и кажется тебе, что время — оно как этот лес за стенами, конца-края ему нету. Ну, сыплется там песок и сыплется, как хвоя с ёлки в июле, внимания не обращаешь.

Он снова поддал на камни, стало ещё жарче.

— Но вот проходит половина, а? И тут ты начинаешь на часы-то коситься, как лиса на курятник. «Ого, — думаешь, — уж половина убежала! Ничего, ещё посидим, ещё попаримся». Но покой уже не тот, уже подмечаешь, что тут колет, там жжёт. И пар вроде злее стал, и веник уже не так весело по спине гуляет. А песок, стервец, сыплется себе знай, будто подмигивает: «Тик-так, человеке, тик-так...»

Он сделал паузу, похлопывая себя веником по голени.

— А ближе к концу, о-о... тут уж совсем другая песня. Жар давит, пот глаза заливает, и ты уже не просто косишься — ты пялишься на эти часы, как на последнюю бутылку коскенкорвы в канун Юханнуса. «Да когда ж ты кончишься?! — свербит в голове. — Каждая песчинка тянется, как резина!» И уже начинаешь подумывать: «А может, ну его всё?.. Выскочить да в озеро — бултых! И дело с концом». И выходят ведь некоторые, о, выходят. Не выдерживают жара, не дожидаются последней песчинки. Их воля. Но старый Юсси так скажет: зря.

Юсси дождался, пока последняя крупинка упала, и скомандовал:

— Всё. Пусто. Выходи.

Мы вывалились за порог, красные, как брусника на южном берегу, и рухнули в озеро. И когда ледяная вода обожгла распаренное тело, я понял, о чём он говорил: это стоило того, чтобы терпеть долгие минуты жара.

Потом мы сидели на том же крыльце, обмотавшись грубыми полотенцами. В тяжёлых оловянных кружках плескалось что-то золотистое и пахнущее дымом, и оно точно не было водой. Звёзды висели в чистом небе над озером так низко и остро, словно кто-то наделал в тёмно-синем бархате дырки гвоздём. Мы уже давно молчали, но я чувствовал, что разговор не закончен. Тишину нарушал только

треск остывающей каменки да редкий всплеск рыбы в озере. Жидкость в кружке делала мир простым и немного грустным, и я сам не заметил, как начал говорить. О городе, о книгах, о суете, о женщине, с которой мы то сходились, то расходились, как две лодки в тумане. Слова лились сами, без всякого порядка.

— Всё сложно, Юсси, — бормотал я. — Так всё запуталось... Будто в трясину попал: чем больше дёргаешься — тем глубже тонешь.

Юсси не смотрел на меня, но слушал не перебивая, только изредка кивал и отхлёбывал из своей кружки. Когда я замолчал, он тоже помолчал немного, а потом сказал, глядя куда-то в поздние сумерки:

— У вас, городских, всегда всё сложно. Часы — на руке, цветы — в плёнке, чувства — по телефону. Всё какое-то ненастоящее. Вот такие вы, умники: книжки для людей пишете, а сами ничего вокруг себя не видите. Ты вот уже почти лысый, а самых простых вещей не понимаешь.

— Каких вещей, Юсси? — спросил я, чувствуя, как хмель сильнее ударяет в голову.

— А вот таких. Любовь, — сказал он, — это как за морошкой на моховое болото идти. Вот идёшь ты по лесу, думаешь: «Сейчас найду её, самую лучшую, самую сладкую ягоду!» И видишь её издали — горит на кочке, как маленький закат. И ты, как молодой олень, что ещё рога не набил, несёшься к ней, не глядя под ноги. А болото, оно ведь хитрое, оно тебя ждёт, ухмыляется, как старый тролль. Хлюп — и ты уже по щиколотку в трясине. Ещё шаг — и уже по колено. А морошка — вот она, манит, да не даётся. — Он отхлебнул из кружки, крикнул. — И вот тут-то всё и начинается. Чтобы до неё добраться, надо и штаны измазать, и комаров своей кровью попотчевать, и выругаться так, чтобы все лешие попрятались, той руганью, что почти как молитва, только наоборот. Но если ты упрямый, как настоящий финн, если не боишься грязи, то ты дойдёшь. И сорвёшь её. И попробуешь. О-о, это сладость, какой больше нет! Но и со своим вкусом, с характером. И ты стоишь весь в грязи, исцарапанный, а на душе — тепло, как у каменки. Потому что оно того стоило.

— А если не дойдёшь? — спросил я.

— А вот тут, городской человек, и вся соль. Не всякая ягода на болоте — морошка. Иной раз доберёшься, а это клюква. Тоже ягода, да. Честная, кислая, для здоровья полезная. И с ней можно жить, долго, правильно. Но той сладости, что голову кружит, в ней нет. А бывает, сорвёшь толокнянку. С виду красивая, красная, а на вкус — трава травой: ни сладости, ни кислоты. Пустота. И многие ведь так и живут. Сорвал, что поближе росло, и убедил себя, что это и есть морошка. А сам нет-нет да и поглядывает в сторону болота, где настоящая горит...

Он снова налил нам по глотку.

— А некоторые, городские, самые умные, и вовсе на болото не ходят. Зачем грязь месить? У вас в городе любовь, она другая. Она как ягода в пластиковой коробке из магазина — красивая, ровная, без единого пятнышка. Только вкус в ней не тот, и не знаешь, где она росла, кто её рвал и чем поливал. Пустая ягода. Так что лучше уж своя клюква с болота, чем чужая клубника из коробки. По крайней мере, знаешь, за что морщишься.

Его слова упали в тишину и показались мне самой простой и горькой правдой на свете.

— Может, ты и прав, — сказал я. — Только иногда кажется, что ты не сам выбираешь, куда идти. Будто тебя просто несёт куда-то, и всё.

— А вот это, писатель, уже другой разговор. Это ты про судьбу заговорил, глубже копаешь... Жизнь, любовь и судьба — это три ножки табурета, на котором держится наше шаткое человеческое счастье. Если убрать одну — всё рухнет, — сказал Юсси, и мы снова надолго замолчали. Бутылъ уже опустела на три четверти. Ночь съела и воду, и берега, и только висели над озером всё те же холодные, острые звёзды. Тишину нарушал лишь плеск воды о старые сваи причала. Юсси всё так же смотрел не на меня, а туда, на тёмную, едва различимую гладь, где вода медленно, но неумолимо двигалась в сторону невидимой протоки.

— А ты чувствуешь, городской, как вода идёт? — наконец добавил он, голос его был тише, глубже. — Она не спрашивает, просто идёт. Вот так и с судьбой.

Он надолго задумался, будто не подбирая слова в голове, а доставал их со дна этого чёрного озера.

— Судьба, человеке, — это тебе не тропинка в снегу, которую сам себе топчешь. И не тот тонкий мартовский лёд, под который можно провалиться. Это всё игрушки. Судьба — она как река. Та самая, что несёт воды нашего озера дальше, в другие озёра, а потом в море, которого отсюда и не видать.

Он показал узловатой, как корень, рукой в темноту, на свою перевёрнутую лодку, смутно чернеющую под светом звёзд.

— Тебя никто не спрашивает, хочешь ли ты сесть в эту лодку и плыть по этой реке. Однажды ты просто открываешь глаза — а ты уже плывёшь. Лодка у тебя может быть дырявая, а может, крепкая, из хорошей сосны. Вёсла могут быть гладкие, а могут — с занозами. Всего этого ты не выбираешь. Река может быть широкая и спокойная, а может — узкая и быстрая, с камнями, что торчат из воды, как зубы старой щуки. Этого ты тоже не выбираешь. Вот это, городской человек, и есть судьба. То, что тебе дано.

Я слушал, не шевелясь.

— И вот плывёшь ты, — продолжал Юсси, крутя в руках свою пустую кружку. — И видишь дураков. Один гребёт изо всех сил против течения. Пыхтит, потеет, ругается так, что чайки с неба падают. А сам стоит на одном месте. Вся жизнь была — борьба, а с места не сдвинулся ни на палец. Думает, он реку победит. Глупый... Реку не победишь. Другой вёсла бросил: «А, — говорит, — будь что будет! Куда кривая вывезет!» И несёт его течением, как прошлогодний лист. Бьёт о камни, крутит в водоворотах, а он и не пытается править. Может, его и вынесет на хороший берег. А может, разнесёт его лодку в щепки на первом же пороге. Кто знает? Он отдал свою судьбу реке. Тоже не самого большого ума.

Юсси поднял на меня свои светлые ясные глаза.

— А умный не борется с рекой, но и не отдаётся ей безвольно — он её слушает. Он замечает, где течение быстрое, а где — тихая заводь, чтобы отдохнуть. Умный видит камень издалека и обходит его, лишь слегка подправив веслом. Он не пытается плыть туда, куда река не течёт, — он плывёт вместе с ней, но туда, куда

ему нужно. И он знает: есть пороги, которые не обойдёшь, которые надо пройти, стиснув зубы. А ещё бывает полоса тумана, когда не видно и носа собственной лодки, и плыть надо по чутью, на звук, почти на ошупь. Но есть и долгие, спокойные плёсы, где можно и вёсла положить, и на берег посмотреть, на сосны вековые, на облака...

Он вздохнул, и этот вздох был полон и усталости, и покоя.

— В этом вся хитрость, городской человек: не ломать себе руки, гребя против течения, и не ждать, что оно тебя само приберёт к морошковому болоту. А понять свою реку. Почувствовать её силу и направить свою лодку. Ты не изменишь её русло, но ты можешь выбрать, вдоль какого из берегов тебе плыть — скалистого или песчаного. Ты не остановишь её бег к морю, но иногда ты можешь пристать к берегу, развести костёр и посидеть в тишине, прежде чем плыть дальше.

Он встал, потянулся так, что все кости хрустнули, как смольё в печи.

— Так что не ругай свою реку-судьбу, человек, но и не бойся её. Просто держи весло крепче и смотри по сторонам. А то так и пройдёшь всю реку до самого моря, глядя только на свои мозоли от вёсел, а всей красоты на берегах и не заметишь.

Юсси разлил остаток по кружкам, крикнул и залпом выпил.

— Ладно. Сиди тут, думай про свою реку. Но сперва помоги мне перевернуть лодку — меня налим ждёт.

Я удивлённо посмотрел на него.

— Какой налим?

— Обыкновенный, — усмехнулся Юсси, направляясь к сараю, где хранились рыбачьи снасти. — Он, дурак, по ночам лучше всего клюёт. Когда тихо и все умники спят.

Через несколько минут я услышал скрип уключин и слабый плеск: Юсси отчалил. Я пошёл к самому берегу. В темноте над чёрной гладью качался и медленно удалялся маленький огонёк его фонаря — крошечная упрямая звезда, плывущая по своему тихому плёсу.

Я остался один под холодными, колкими звёздами. Впервые за долгое время я никуда не спешил, не смотрел на часы на своём запястье, а просто стоял и думал. Про сауну, в которой надо досидеть до конца. Про болото, в котором я увяз, но, может быть, ещё выбебрусь. И про старую лодку, которую течение несёт по тёмной, неведомой реке. И впервые за долгое время, неподвижно стоя на твёрдом берегу, я почувствовал, что плыву в верном направлении.

Леонид Андреевич ШУБИН

родился в Ленинграде в 1976 году. Окончил Институт точной механики и оптики (ИТМО). Работает инженером по морскому навигационному оборудованию.

Пишет стихи, прозу. Публиковался в журналах «Звезда», «Крещатик». Автор трех книг. Лауреат первой премии новосибирского литературного

конкурса «Иду на грозу»

(2026, номинация «Проза о науке»).

